

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ
В ТОРЖЕСТВЕННОМ
СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, 10-ГО ИЮНЯ,
1839...

Виссарион Григорьевич Белинский
Речи, произнесенные
в торжественном
собрании императорского
Московского университета,
10-го июня, 1839...

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2857525

Аннотация

«Вот уже третий год, как мы читаем в московских университетских «актах» превосходные речи. В 1836 году мы прочли прекрасную речь г. Щуровского; в 1838 году мы прочли прекрасную речь г. Крылова о римском праве; в нынешнем году мы прочли превосходную статью г. Морошкина «Об «Уложении» и последующем его развитии» и спешим поделиться с нашими читателями доставленным нам ею удовольствием...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Комментарии

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Речи, произнесенные
в торжественном
собрании императорского
Московского университета,
10-го июня, 1839...**

РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В
ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА, 10-го ИЮНЯ, 1839. Москва.

*Об «Уложении» и последующем его развитии.
Речь, произнесенная в торжественном собрании
императорского Московского университета
ординарным профессором, доктором прав Федором
Морошкиным. Июня 10 дня 1839 года. Москва. В
университетской туп. 1839. – De ratione observance
in arte medica ejusque abminiculis et obstaculis. Oratio
quam in solemnibus anniversariis caesareae litterarum
universitatis mosquensis habuit. Gregorius Sokolsky.
pathologiae et therapiae professor p. o., medicinae
doctor. D. X. juni anni MDCCCXXXIX¹. В 4-ю д. л. 87*

В брошюре, заглавие которой здесь выписано, кроме речей гг. Морошкина и Сокольского, есть еще и «Краткий отчет о состоянии императорского Московского университета за 1838–1839 академический год».

Вот уже третий год, как мы читаем в московских университетских «актах» превосходные речи. В 1836 году мы прочли прекрасную речь г. Щуровского; в 1838 году мы прочли прекрасную речь г. Крылова о римском праве; в нынешнем году мы прочли превосходную статью г. Морошкина «Об «Уложении» и последующем его развитии» и спешим поделиться с нашими читателями доставленным нам ею удовольствием.

Чтобы дать понятие о содержании и, некоторым образом, самом изложении речи г. Морошкина, выписываем ее начало:

«Уложение» составлено в 1649 году повелением государя царя и великого князя Алексея Михайловича, трудами и искусством бояр – князя Никиты Ивановича Одоевского, князя Семена Васильевича Прозоровского, окольничего Федора Федоровича Волконского и государевых дьяков – Гавриила Леонтьева и Федора Грибоедова. Государь и Великий земский собор «Уложение» слушали, утвердили и на мере поставили. С тех пор «Уложение» начало свое действие в пределах русской земли и до

издания «Свода законов» пребыло главным источником законодательства. Сто восемьдесят шесть лет лучшей истории оно правило жизнь русского народа, покровительствовало правых, исправляло послушных и карало преступников, – довольно и славы, и добра, – и даже теперь, когда царствующий законодатель, по примеру великих царей, собрав воедино разбросанные члены законодательства, причислил «Уложение» к памятникам прошедшего, оно вечно будет главным источником отечественной юриспруденции. Оно вечно пребудет историческим первообразом русского законодательного ума, русского гражданского быта и юридического слова. Придет время, когда русская юриспруденция, изведав чужеземные начала правды, снова обратится к «Уложению», как великому истолкователю народного гения, и воздаст ему почести, какие некогда воздавали сыны Рима «XII таблицам». «Уложение» родословно, как Москва, патриархально, как русский народ, и грозно, как царский гнев. Судьбы отечества отпечатались в нем всеми эпохами славы и унижения, народные племена – всеми юридическими понятиями, народная жизнь – всеми заветными мыслями и наклонностями. По месту своего происхождения будучи «Уложением» Москвы, по времени издания – произведением упорной старины, – оно как будто приковывает народ к неподвижному основанию московской местности и древних обычаев; но, будучи «соборным» по своим источникам и редакции, оно поставлено на распутии

русской истории: оно вольно было принять все стихии русской общественной жизни и действительно их приняло и уложило. «Уложение» не отвергает и чужеземного, не противится преобразованиям и усовершенствованиям; но при этом оно хочет быть самобытным, последовательным, народным. В этом отношении оно упорнее самой России. Когда наше отечество подклонило свою голову под острие преобразования, одно «Уложение» пробилося сквозь ряды иностранных регламентов и победоносно возлегло на троне Екатерины II. Законники нового направления тщетно покушались заменить его новым уложением; ничто не могло поколебать его; один «Свод законов» восторжествовал над ним могучею волею Николая I. «Свод законов» превосходит «Уложение», как Россия Николая I превосходит своим величием Московское государство Алексея Михайловича, но как в основании настоящего величия лежит московская земля, купленная кровию наших предков, так кротость «Свода законов» красуется на кровавом подножии «Уложения».

Рассматривая «Уложение», я обращаю внимание на причины его издания, потом на его источники и юридические начала и заключаю переверотом, который оно потерпело в царствование Петра Великого.

Засим красноречивый и энергический оратор говорит о причинах явления «Уложения», причинах, которые он разделяет на *отдаленные* и *близкие*, разумея под *первыми* жи-

вое и плодородное начало единства, к которому всегда стремилась Россия и которым она наиболее обязана своей религии, потом идею самодержавия, после свержения татарского ига, обновившегося в свободном величестве Иоанна Грозного², и, наконец, влияние Европы, влияние классических идей и законодательства, чрез Польшу заносимых в Киев; а под *вторыми* – недавнее *безгосударное* состояние России и необходимость дать законную форму обновленному обществу. Далее оратор исчисляет источники «Уложения»; они следующие: 1. правила св. апостол и св. отец; 2. градские законы греческих царей; 3. прежние судебники, указы государей и боярские приговоры; 4. статьи, не решенные ни прежними судебниками, ни царскими указами; и, наконец, вероятно, с последовавшего разрешения царя; 5. литовский статут. Дойдя до *третьего* источника «Уложения», оратор говорит: «Этот источник легко отличить в «Уложении» по его особенной физиономии: если заметите статью гражданского права, которая *сохранила жизненную теплоту процесса*, и статью уголовного права, на которой *не остыли еще гнев закона и кровь преступления*, – то это знак, что они образовались из боярских приговоров»^[1].

Если бы мы хотели шаг за шагом следить за развитием речи, то наша рецензия превратилась бы в огромную критику; а если бы мы хотели выписать все места, отличающиеся мо-

---

² Рецензент долгом почитает заметить, что он везде старается выражаться языком оратора и собственными его красноречивыми выражениями.

гучим и увлекательным красноречием, то нам пришлось бы перепечатать почти всю речь, от слова до слова. Предоставляем самим читателям прочесть ее всю, а сами слегка коснемся кой-каких мест.

На 22 стр. мы встретили мысль, поражающую читателя своею странностию. Оратор находит в русском народе «творческий, бесконечно изобретательный смысл, который непрерывно выступает из круга положительности, непрерывно стремится вперед, совершая новые обороты, проявляя новые стороны человеческого духа». Мы совершенно согласны с этою фразою, особенно если в ней слово «смысл» заменить словом «разум»; но мы никак не можем согласиться, чтобы эта, как называет ее оратор, ««непостижимая тонкость смысла» была и добродетелью и недостатком народа, как и умственная добродетель, почти всегда обличающая недостаток развития высших душевных сил – ума, воображения и эстетического чувства». Что в русском народе есть огромный элемент разумности, – это несомненно; и эта многосторонность духа, о которой говорит сам оратор, что же она, как не проявление разума? Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность – воображение, эта память чувственных предметов и образов, но и высшая, творческая способность – фантазия и глубокое эстетическое чувство, – это доказывают русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно могучие, всегда выражающие широкий

размет богатырской души... Что *разум*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Курсив Белинского.